

Отдача студентов в солдаты в 1899—1901 гг.

Анатолий Иванов

Students' conscription to the Army (1899—1901)

Anatoliy Ivanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012940-5

Летом 1899 г. русское общество с негодованием узнало о решимости верховной власти отдавать в солдаты студентов, исключённых из высших учебных заведений за участие в беспорядках. Негодовали и либеральная профессура, и оппозиционная общественность, и революционное подполье, получившее дополнительный импульс для своей пропаганды и борьбы с самодержавием.

Идея использовать военную службу для перевоспитания неблагонадёжных студентов, тесно связанная с представлениями николаевского времени, не раз обсуждалась в правящих кругах империи в 1860—1880-е гг. В 1861 г., после осенних волнений в столичном университете, петербургский генерал-губернатор П.Н. Игнатьев внёс в Государственный совет законопроект, предусматривавший отдачу бунтовщиков в войска. Однако его отклонили, а сам разработчик покинул свой пост¹. В 1880 г. главный начальник Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия гр. М.Т. Лорис-Меликов предложил учредить в отдалённых местностях империи «особые военные команды» для перевоспитания «лиц, подлежащих, вследствие своей политической неблагонадёжности, надзору полиции», включая и студентов. Однако военный министр гр. Д.А. Милютин признал неудобным и небезопасным создание подобных подразделений, бесполезных для армии и лишь способствующих сплочению «людей одинакового превратного образа мыслей». Поэтому 24 декабря 1880 г. император повелел, чтобы высланные в административном порядке под надзор полиции за участие в революционной пропаганде, среди которых имелось немало бывших студентов, несли воинскую повинность исключительно на общих основаниях, по жребию, но при поступлении на службу направлялись в отдалённые округа (наиболее скомпрометированные — в Туркестан) под бдительное наблюдение начальства. Голоса в пользу «ускоренного» отбывания воинской повинности теми, кто исключался из числа учащихся, во избежание их «праздного блуждания», раздавались и в Комиссии, созданной 25 мая 1881 г. под председательством И.Д. Делянова, и в Особых совещаниях и Комитете министров, разрабатывавших меры против беспорядков в высших учебных заведениях в 1882—1884 гг. Но всякий раз это встречало противодействие со стороны руководителей и представителей военного и морского ведомств (в том числе и великих князей)².

© 2020 г. А.Е. Иванов

¹ Орлов В.И. Студенческое движение в Московском университете в XIX столетии. М., 1934. С. 246.

² Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 108—127.

С новой силой эти споры возобновились после волнений, вспыхнувших 8 февраля 1899 г. в Петербургском университете и переросших в Первую все-российскую студенческую забастовку³. 20 марта 1899 г. супруга московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича вел. кн. Елизавета Фёдоровна писала Николаю II: «Не издать ли тебе новые распоряжения, чтобы покончить с этим?... Почему бы не послать тех из них (студентов. — *А.И.*), кто действительно виновен, на военную службу? Год-другой муштры исправит их и научит уму-разуму, тем самым ты *спасёшь их души*, которые иначе погибнут»⁴. Следуя подобным советам, император поручил Комитету министров подготовить соответствующий законопроект и уже 29 июля 1899 г. утвердил «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков»⁵. Их разработка сопровождалась интригами, с одной стороны, министра финансов С.Ю. Витте, а с другой — противостоявших ему главы МВД И.Л. Горемыкина, министра народного просвещения Н.П. Боголепова и обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. 11 января 1901 г. Боголепов санкционировал отдачу в солдаты 210 студентов Киевского и Петербургского университетов, проявивших неповиновение властям. А уже 14 февраля он был тяжело ранен террористом П. Карповичем и 2 марта скончался.

В 1912 г. вдова министра Е.А. Боголепова опубликовала воспоминания о своём супруге, в которых фактически обвинила в его гибели Витте⁶. Мемуаристка утверждала, что, вопреки сложившемуся в обществе убеждению, Боголепов не только не являлся инициатором составления «Временных правил» 29 июля 1899 г., но и вовсе не одобрял их издание, предвидя, что они вызовут «отвращение и ужас». При этом солдатская служба казалась ему уже «далеко не суровой», поскольку времена, когда она отличалась «беспощадной строгостью», давно миновали. Воинскую повинность он не считал более жестоким наказанием, нежели исключение из высшего учебного заведения «без права обратного приёма»⁷.

Подлинным творцом «Временных правил» 29 июля 1899 г. Боголепова называла именно министра финансов, подавшего императору записку «О средствах оздоровления высших учебных заведений», в которой рекомендовалось отправлять исключённых студентов в войска, после чего они получали бы право вернуться в университет и по окончании курса поступить на государственную службу «обычным порядком». По мнению Боголеповой, Витте задумал «погубить мужа», но лишь «когда эту меру пришлось применять, муж стал догадываться, с какой целью инициатор предложил её государю». Министр народного просвещения полагал, что Витте стремился таким образом «загладить вину перед государем за своё крайнее либеральничанье во время бывших студенческих беспорядков». Тогда как «на Николая Павловича, применившего “временные правила”, и считавшегося их вдохновителем, должна была обрушиться зло-

³ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // *Российская история*. 2012. № 1.

⁴ Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и император Николай II. Документы и материалы / Сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009. С. 457. Выделенные курсивом слова в оригинале подчёркнуты.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1899. № 96. Ст. 1289.

⁶ Николай Павлович Боголепов. Записки Е.Б. М., 1912 (далее — Записки Е.Б.).

⁷ Там же. С. 266.

ба и ненависть недовольных»⁸. Впоследствии и исследователи, как правило, называли их «боголеповскими»⁹. Со своей стороны, соперники Витте прямо указывали на его причастность к разработке непопулярных правил. Редактор «Нового времени» А.С. Суворин 24 февраля 1900 г. записал в дневнике: «Горемыкин утверждает, по словам Зелёного, что черновой проект закона об отдаче студентов в солдаты был написан рукою Витте»¹⁰.

Знали об этом и другие сановники. Военный министр А.Н. Куропаткин, которому император 20 июля 1899 г. дал «прочесть перед докладом записку или, вернее, проект правил (на случай повторения студенческих беспорядков) об отбывании исключёнными из высших учебных заведений принудительно воинской повинности», сразу же высказался против намеченного решения, указывал «на противоречие этой меры с основанием устава о воинской повинности» и настаивал на том, «что нельзя армию обращать в карательное заведение». Однако Николай II, ссылаясь на «сборник Георгиевского», заявил, что «вопрос уже был предreshён его покойным родителем в 1888 г.». Описывая в дневнике свой спор с императором, Куропаткин (возможно, несколько позднее) оставил помету: «Этот проект правительства составил С.Ю. Витте»¹¹. 22 сентября того же года глава военного ведомства отмечал в дневнике: «Министерство народного просвещения для запугивания на будущее студентов, по почину Витте, проводит временного характера закон о привлечении виновных в беспорядках к немедленному отбыванию воинской повинности»¹².

Сам Витте старался не афишировать свою роль в столь неблагоприятном деле¹³. На явно ехидный вопрос министра земледелия А.С. Ермолова об авторстве «Временных правил», Сергей Юльевич, не смущаясь, ответил: «Не знаю»¹⁴. И действительно, благодаря его бюрократической ловкости, формально правительство несло за одиозный закон коллективную ответственность. 24 июля министры сообща обсуждали его «у царя». «Я снова отстаивал непринятие этой меры или принятие в более мягкой форме, — записал в дневнике Куропаткин. — Мне указали, что другой меры придумать не могут, что надо помочь России, что армия студентов исправит. Я заявил, что применение такой меры, дабы ослабить вредное влияние, нужно сопровождать указаниями, что мера эта временная, что начинается пересмотр средней и высшей школы»¹⁵. Похоже, в военном ведомстве не верили в то, что студентов удастся устрасить солдатской службой.

В итоге, как полагал В.И. Орлов, Витте «убил сразу трёх зайцев: парализовал распространяемые Боголеповым сплетни о сочувствии министра финансов

⁸ Там же. С. 272, 338—339, 341.

⁹ В историографии звучало и другое, столь же неверное, предположение, будто «Временные правила» разработала комиссия генерала П.С. Ванновского, расследовавшая февральские беспорядки 1899 г. в Петербургском университете: *Юхнева П.В.* Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 г. // *Очерки истории Ленинградского университета*. Ч. 1. Л., 1962. С. 129—130.

¹⁰ Дневник Алексея Сергеевича Суворова / Публ. Н.А. Роскиной, Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. Л.; М., 1999. С. 373. См. также: Записки Е.Б. С. 267.

¹¹ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 17.

¹² Там же, л. 17 об.

¹³ Характерно, что и в своих мемуарах Витте ни словом не обмолвился о «Временных правилах» 29 июля 1899 г.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1—2; Т. 2 / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукьянова. СПб., 2003.

¹⁴ Записки Е.Б. С. 267.

¹⁵ РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 17 об.

студенческому движению и его “преступном поведении” во время беспорядков, вызвал негодование среди прогрессивных слоёв общества против Боголепова и вооружил против последнего влиятельные при дворе круги»¹⁶. Однако едва ли опытный царедворец решал лишь эти задачи. Будучи чутким придворным флюгером, он предвидел сочувствие Николая II к своей инициативе, «потому что этого желал его отец»¹⁷. Кроме того, у него не было сомнений в том, что массовое студенческое движение представляет реальную угрозу для самодержавия.

«Временные правила» 29 июля 1899 г. были направлены прежде всего против студенческих «учинённых скопом беспорядков». Виновные в них подлежали исключению из высших учебных заведений и призывались к исполнению воинской повинности на срок от года до трёх лет, «хотя бы они имели льготу по семейному положению, либо по образованию, или не достигли возраста, или же не вынули по жребию номер, освобождающий от службы в войсках». Решение об этом принималось Особым совещанием из местных представителей учебного, военного, полицейского и судебного ведомств, которое учреждалось в случае необходимости при том или ином университете или институте. Допускалось также (ст. 9—10) сокращение срока службы за хорошее поведение и «ревностное исполнение служебного долга». Отслужившим предоставлялось право вновь попытаться получить высшее образование¹⁸.

Издав «Временные правила», власть не спешила их применять на практике. Лишь 28 марта 1900 г. император повелел опубликовать одобренное им ещё 1 марта «Положение о порядке передачи в распоряжение военного начальства воспитанников, уволенных из высших учебных заведений на основании высочайше утверждённых 29 июля 1899 г. правил»¹⁹. В нём предписывалось, чтобы в каждой роте или эскадроне служило не более одного или, в «крайнем случае», двух бывших студентов. Особо оговаривалось (ст. 11), что «зачисленные в войска воспитанники не могут быть назначаемы на следующие должности: полковых и батальонных писарей, хорных музыкантов, барабанщиков, трубачей, хлебопёков, кашеваров, в число безоружных и обозных и на другие подобные этим должности нестроевого характера»²⁰.

Впрочем, угроза солдатчиной не запугала учащуюся молодёжь. По свидетельству студента-москвича А. Титова, она «на деле явилась логически неизбежным стимулом протеста»²¹. Затишье, наступившее в университетах и институтах осенью 1899 г., оказалось кратковременным и обманчивым. Напряжение не ослабевало там ни на минуту, накапливаясь в землячествах, обществах вспомоществования недостаточным студентам и политических кружках. Всё шире распространялись антиправительственные воззвания к студенчеству, в различных местах всё чаще фиксировались то мелкие, то существенные нарушения. Так, 12 октября 1899 г. в МВД поступила информация о намерении студентов Харьковского университета учинить товарищеский суд над А. Шестолом, выразившим на страницах монархической газеты «Южный край» порицание зачинщикам намечавшейся забастовки²².

¹⁶ Орлов В.И. Указ. соч. С. 274.

¹⁷ Там же. С. 266—267.

¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1899. № 96. Ст. 1289.

¹⁹ В Собрании узаконений и распоряжений правительства оно появилось только 2 июня 1900 г. (№ 1302).

²⁰ ПСЗ-III. Т. 20. Отд. I. СПб., 1902. № 18214. С. 163.

²¹ Титов А.А. Из воспоминаний о студенческом движении 1901 г. М., 1906. С. 6.

²² РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 61, л. 63.

20 декабря 1899 г. Боголепов получил из МВД уведомление о том, что студенты Петербургского университета собирают подписи под адресами, в которых приветствуют увольненных профессоров. К примеру, обращаясь к М.И. Туган-Барановскому, студенты благодарили его «за нравственные поступки» 8 февраля 1899 г. и выражали «уверенность в том, что адресат и впредь будет высоко держать знамя свободы, терпимости и всего того, что так воодушевляет учащуюся молодёжь»²³. 8 февраля 1900 г. на годичном акте в столичном университете вновь произошли масштабные беспорядки, напомнившие о прошлогодних событиях и заметно поколебавшие служебное положение Боголепова, который к тому времени лишился поддержки Горемыкина, оставившего свой пост²⁴.

Усилия Министерства народного просвещения стабилизировать положение высшей школы и нормализовать учебный процесс не давали результата. Попытка основать при столичных университетах студенческие общежития и собрать в их помещениях наиболее «благонамеренную» часть учащихся, способную дать отпор нарушителям дисциплины, вызвала возмущение из-за своей прозрачной полицейской подоплёки. В Московском университете во время благотворительной лекции, прочитанной профессором юридического факультета Л.А. Камаровским в пользу Общежития им. Николая II, распространялось воззвание, призывавшее студентов её бойкотировать и утверждавшее, будто в новых помещениях смогут проживать только студенты, способные платить за постой по 150 руб. в полугодие и не замеченные в причастности к беспорядкам. Согласно «воззванию», там царила «обстановка сыска и беззакония», а «деньги, жертвуемые на общежитие, расходуются на устройство вечеров, танцклассов, тогда как в данный момент несколько сот товарищей подлежат увольнению за невзнос платы» за обучение. В то же время Боголепов опасался, что общежитие может превратиться в гнездо крамолы. Попечителю Московского учебного округа П.А. Некрасову приходилось успокаивать министра, заверяя его, что «агитация» не имеет успеха «вследствие консервативного состава студентов общежития», которые из-за этого даже «пользуются дурной славой у свободо-мыслящих»²⁵.

Работа научных и культуртрегерских кружков, создававшихся в виде опыта с согласия Боголепова, налаживалась медленно. Только 22 декабря 1901 г., уже при его преемнике генерале П.С. Ванновском, были введены «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения». Однако по данным, собранным министерством в 1904 г., в большинстве университетов подобные «вольные» институты начали складываться лишь с 1903 г. Исключение составлял Харьковский университет, где уже в 1900—1901 гг. легально действовали студенческие кружки «Для занятий по истории русской и западноевропейской литературы», «Для занятия экономическими науками», «Для занятий государственными науками» и «Богословский»²⁶.

21 апреля 1900 г. Боголепов указал попечителям учебных округов на необходимость усилить наблюдение за учащимися и борьбу с «не только противу-академическим, но и открыто противуправительственным» движением среди

²³ Там же, л. 53—53 об.

²⁴ Орлов В.И. Указ. соч. С. 361.

²⁵ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 5151, л. 1, 120 об.

²⁶ РГИА, ф. 733, оп. 152, д. 150, л. 119—119 об.

них²⁷. Однако с мест ему сообщали, что не везде в этом имелаась необходимость. Так, попечитель Одесского учебного округа донёс министру, что проведённое им в мае совещание инспекции Новороссийского университета «констатировало отсутствие фактов наличия широкого агитационного движения» в студенческой среде, выявив лишь отдельные случаи такового. Поэтому в Одессе решили было отложить разработку «мер по возможному ограждению мирного течения учебных занятий»²⁸.

Тем не менее Боголепов постоянно жаловался в письмах к брату и в своей «памятной книжке» на то, что «приходится ежегодно выносить студенческие беспорядки, сталкиваясь с бесшабашным общественным мнением, которое требует свободы и не гарантирует ничем злоупотреблений ею». Он признавался, что «когда коллеги подставляют ножки, тогда у меня является жажда освободиться от этого несносного министерского бремени и вздохнуть свободно». «Мне кажется, — делился он своим предчувствием, — что ведётся атака, которая должна кончиться моим уходом, потому что ведётся она слишком умелой рукой». Новый министр внутренних дел не вызывал у Боголепова доверия. «Сипягин, — писал Николай Павлович в “памятной книжке”, — уговаривал меня не колебаться, если придётся применять новый закон (“Временные правила” 29 июля 1899 г. — *А.И.*) ко многим лицам. На меня и на него, по его словам, могут нападать высокопоставленные лица и даже наши коллеги. “Я очень люблю, — говорил он, — Сергея Юльевича, но тем не менее опасаясь, что он будет вмешиваться. Нам надо стоять твёрдо и стараться поддерживать эту твёрдость в государе, который до сих пор высказывается в том смысле, что надо действовать твёрдо и не бояться применять новый закон”». Но это отнюдь не развеяло сомнений собеседника. «Я не могу разобраться, — признавался Боголепов, — искренен ли был Сипягин, или это какая-нибудь интрига по соглашению с Вите с целью подставить мне ножку»²⁹.

И всё же момент применения «Временных правил» 29 июля 1899 г. настал. Формально поводом к этому стали привычные уже беспорядки, вспыхнувшие в Киевском университете в ноябре—декабре 1900 г., после того как студенты юридического факультета отказались слушать лекции профессора О.О. Эйхельмана, назначенного вместо популярного профессора кн. Е.Н. Трубецкого³⁰. 11 января 1901 г. Министерство народного просвещения опубликовало «сообщение», в котором констатировалось: в течение полугодия в университете Св. Владимира не прекращались сходки, насчитывавшие от 250 до 700 человек, что «по отношению к общему числу учащихся в университете, превышающему 2 700 человек, составляет незначительное меньшинство, упорно мешающее остальным студентам вести правильные занятия». Тут же приводился текст телеграммы Боголепова, предписывавшей попечителю Киевского учебного округа применить «Временные правила» 29 июля 1899 г. к участникам сходки 7 декабря 1900 г. Созданное для исполнения данного распоряжения Особое совещание заседало с 11 до 31 декабря 1900 г. и постановило отправить в солдаты двух студентов —

²⁷ Там же, оп. 151, д. 61, л. 188 об.

²⁸ Там же, л. 244—244 об.

²⁹ Записки Е.Б. С. 339—340.

³⁰ РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 66, л. 244—244 об. Подробнее см.: *Заславский Д.О.* Предрассветное (Воспоминания об университете Св. Владимира) // Русское прошлое. Исторические сборники. Кн. 4. Пг.; М., 1923.

на три года, пятерых — на два, 385 — на год³¹. Утвердив по согласованию с Д.С. Сипягиным решение Особого совещания, министр народного просвещения сократил до 176 человек число подлежащих отправке в войска на год. Таким образом, солдатчина постигла 183 студентов-киевлян. Прочим же 209, изблещённым лишь в присутствии на сходке, объявлялся выговор, правда, с лишением всех академических льгот, включая различные формы материального вспомоществования³². Ставя свою подпись, Боголепов сетовал в «памятной книжке»: «Тяжёлая это задача не потому, что наказание сурово, но потому, что на мою голову посыплются проклятия всего общества, которое не знает дела и судит по шаблонам»³³.

Особое совещание по применению «Временных правил» 29 июля 1899 г. заработало и при Петербургском университете. Его возглавил попечитель столичного учебного округа Н.Я. Сонин, а членами были назначены военный судья генерал-майор П.Д. Никифоров, прокурор судебной палаты И.К. Максимович, представитель Департамента полиции А.К. Янкулио, профессора А.Х. Гольмстен, Н.Д. Дювернуа, С.Ф. Платонов, барон В.Р. Розен и В.Т. Шевяков (ректор университета и деканы юридического, историко-филологического, восточного и физико-математического факультетов)³⁴. В конце января на сходках было принято решение о забастовке, после чего 26—28 января последовали попытки сорвать занятия, не получившие поддержки у большинства учащихся. Тем не менее Совет счёл нужным отменить годичный акт. А 6 февраля 27 из 37 «обструкционистов», привлечённых к ответу, были отправлены в армию³⁵.

Как вспоминал один из «подсудимых» — Лев Соболев, это был «поистине шемакин суд», на котором свидетелями выступали помощники инспектора, суб-инспекторы и подчинённые им «педели» из отставных солдат, которые дружно не только «уличали» обвиняемых, но и лжесвидетельствовали против них. Председательствовавший академик Сонин признавал, что «здесь судят по впечатлению», и заявлял: «В нашей власти... отдать вас в солдаты, в нашей власти отпустить вас домой». По словам Соболева, «достаточно было иметь бороду и угрюмый вид, дерзко отвечать на заданные вопросы, чтобы получить крайний срок полагавшегося наказания — 3 года солдатской службы». Правда, «некоторым» студентам предлагалось «выразить раскаяние во всём содеянном» и рисовались «заманчивые перспективы возвращения домой». Однако в итоге «оправданы» были всего двое или трое; возможно, именно те, кто «раскалялись». Один «обструкционист», не получив своевременно повестки, явился к Сониному, когда заседания уже закончились, и потребовал, чтобы его судили

³¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1901. № 10.

³² ГА РФ, ф. 124, оп. 9, д. 265.

³³ Записки Е.Б. С. 342.

³⁴ Для профессоров это обернулось моральным отторжением со стороны не только студентов, но и части коллег. Профессор А.С. Фаминцын во всеуслышание заявил, что Сонин не достоин носить звание ординарного академика как организатор расправы над студентами. Шевякову и барону Розену пришлось покинуть свои посты в 1901 г., Гольмстену — в 1903 г. Репутация «консерватора» навсегда закрепилась за Платоновым. Подробнее см.: *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 492—493.

³⁵ *Ростовцев Е.А.* Столичный университет... С. 492—493; *Л.С. [Соболев Л.]* Воспоминания студента-солдата // Былое. 1906. № 5. С. 166. Среди них оказался и студент, по-видимому, перенесший инсульт и плохо владевший правой рукой и ногой. Он не мог не только держать ружьё, но и одеваться и раздеваться без посторонней помощи (*Л.С.* Указ соч. С. 177).

«одинаково со всеми товарищами», поскольку в «обструкции» он участвовал «совершенно сознательно». Но попечитель ему ответил: «Не собирать же снова ради Вас одного Особого совещания». В результате наказание его миновало³⁶.

Готовились к применению «Временных правил» 29 июля 1899 г. и в других университетах. По указанию министерства ректор Новороссийского университета 19 мая 1899 г. переслал в Петербург данные о студентах, исключённых без права повторного поступления и обязанных явиться в «подлежащие присутствия по воинской повинности»³⁷. Московский попечитель Некрасов подготовил для кандидатов в члены Особого совещания уведомление, в котором сообщалось, что их содействие, «по всей вероятности, в скором времени потребуется ввиду начавшихся среди студентов Московского университета беспорядков». В университетской канцелярии разработали бланки протоколов и постановлений Особого совещания, а также процедуру его заседаний. Некрасов также просил губернского тюремного инспектора оказывать «самое широкое содействие» при проведении «опроса задержанных студентов»³⁸.

Но дальше этих приготовлений дело не пошло. Возмущение интеллигентной общественности удержало верховную власть от дальнейшего применения «Временных правил» 29 июля 1899 г. На военную службу были направлены в общей сложности 210 участников студенческих беспорядков: 5 — на три года, 19 — на два, 186 — на год³⁹.

О том, как складывалась их солдатская «одиссея», можно судить по воспоминаниям Соболева. После допроса членами Особого совещания он провёл несколько дней дома в ожидании своей участи, а 6 февраля был доставлен околоточным надзирателем в полицейскую часть и помещён в «арестантскую» камеру, куда затем начали прибывать и другие «обструкционисты», исключённые из университета. Поначалу в занятых ими двух больших камерах было «шумно и весело», «публика из “общества”», не скупясь, передавала «приношения» — яблоки, конфеты, съестные припасы, происходили свидания с родными. Но «всё это надоедает и утомляет», уступая желанию «выяснить своё положение». Однако для того, чтобы узнать «приговор», а точнее, кто на какой срок отдан в солдаты, пришлось даже прибегнуть к голодовке. 11 февраля решение Особого совещания было оглашено воинским начальником, который «грубо по-солдатски» потребовал полного подчинения под угрозой «действовать силой, с помощью команды, которую он привёл с собой»⁴⁰.

Новобранцев разделили на две группы: четырёх человек, которым предстояло провести на службе три года, поместили в карету и увезли на Царско-сельский вокзал и далее — в Ямбург, большинство же рассадили в «пожарные сани». «Наши сани окружаются плотным кольцом казаков в 3 ряда, — писал Соболев, — гикает казачий офицер, и мы несёмся на Варшавский вокзал по безлюдным, пустынным улицам: их “очистили” к нашему проезду». На вокзале «в две шеренги стоят солдаты; между ними узкий проход, как дорожка», прямо до вагона. Причём «для студентов специально приготовлено 2 вагона

³⁶ Л.С. Указ соч. С. 165—167.

³⁷ Государственный архив Одесской области, ф. 42, оп. 35, д. 357.

³⁸ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, д. 5292, л. 4, 16, 17, 22.

³⁹ Товарищ министра народного просвещения И.В. Мещанинов ошибочно утверждал, что в солдаты попал 231 студент (*Мещанинов И.В. Пётр Семёнович Ванновский, министр народного просвещения. СПб., 1908. С. 10—11*).

⁴⁰ Л.С. Указ. соч. С. 167—168.

3-го класса», в обоих «отделения у дверей заняты конвоем», усиленным казачьим офицером⁴¹.

В вагоне сразу же появился Куропаткин, выступивший с «маленькой речью»: «Он говорит, что не будет касаться вопроса, за что нас сдали в солдаты, что хочет только познакомить нас, хотя бы бегло, с так называемой воинской дисциплиной» — «“Если вы ударите офицера, — говорит он, — вас расстреляют, если вы сделаете то-то — с вами сделают то-то”, говорит, что наше положение теперь не из завидных и советует вооружиться, во-первых, терпением, а, во-вторых, молиться Богу, чтобы Он помог нам благополучно закончить службу». Получив от бывших студентов обещание не устраивать по дороге демонстраций, Алексей Николаевич приказал «оставить по одному солдату у каждой дверцы и удалить остальной конвой». Одновременно он сообщил, что «распорядился приготовить для вас в Гатчине завтрак». В другом вагоне «Куропаткин сказал товарищам, что в особо экстраординарных случаях он разрешает обращаться письменно к нему как к военному министру»⁴².

Для первоначального обучения солдатскому делу бывших студентов направили во Псков, где распределили по трём полкам (по одному на роту). Соболев попал в полк, «славящийся невежеством офицеров, их башибузукскими замашками, особой военной выправкой и... командиром полка»⁴³. Этот «невежественный бурбон», который, по мнению мемуариста, «едва ли кончил гимназию», через неделю «устроил смотр студентам», заявив: «Вы теперь солдаты. Не думайте, что вы будете пользоваться у меня какими-нибудь льготами. Если вы думаете, что вам по образованию полагаются эти льготы — вы жестоко ошибаетесь. Я считаю вас недоучками. Большинство из вас первокурсники, значит, и речи не может быть об образовании... Да в моём полку и лица с высшим образованием никакими льготами не пользуются. Я буду требовать от вас больше, чем от простого солдата. По-моему — в месяц вы можете сделать то, для чего простому солдату нужен был бы год»⁴⁴.

Заданный полковником тон и стиль тут же подхватило офицерство, «развращённое до мозга костей беспрекословным повиновением». «Мне не раз приходилось быть свидетелем, — вспоминал Соболев, — как “господа офицеры” били по лицу солдат. Сначала меня стеснялись, а потом ничего — привыкли». Бывших студентов не били, но, как считал Соболев, в силу большей чувствительности к оскорблениям они «составили самый подходящий элемент для издевательств»: «С нами можно было обойтись и без рукоприкладства, тем паче, что воинский устав даёт такую широкую возможность глумиться над личностью и оправдывает решительно всё. Стоя на почве этого устава, можно довести человека до сумасшествия или “преступления” (с точки зрения этого же устава). И тогда уже нет пощады»⁴⁵. Неудивительно, что петербургский «обструкционист» Е.К. Проскуряков застрелился в Ямбурге⁴⁶. Другой товарищ Соболева ударил по лицу унтер-офицера и едва не угодил под трибунал и на

⁴¹ Там же. С. 168—169.

⁴² Там же. С. 169.

⁴³ В двух других полках, по словам Соболева, «несколько лучше был состав офицеров», и хотя «случаи грубого издеательства были, правда, и там, но их было гораздо меньше» (Там же. С. 177). А встретившись летом в лагерях «с товарищами-солдатами Киевского университета», Соболев констатировал, что «жилося им, в общем, лучше нашего» (Там же. С. 183).

⁴⁴ Там же. С. 170, 173—174.

⁴⁵ Там же. С. 173.

⁴⁶ Там же. С. 184.

каторгу⁴⁷. Видимо, только нежелание огласки заставило начальство ограничиться недельным «усиленным арестом» виновного.

Угнетала и окружавшая обстановка: «Каждый день в казарме похож один на другой... Скучно и монотонно тянется время. Муштровка, полуголодное существование и тяжёлый, тяжёлый сон, целая масса оскорблений, оскорблений, глубоко и сильно задевающих человеческую личность, и железная дисциплина с драконовскими законами, отнимающими всякую возможность самозащиты — вот серый, убийственный фон казармы»⁴⁸.

Но уже через месяц, после перевода в другой город и полк, Соболев столкнулся с совершенно иным отношением. Конечно, и там «высшее начальство, вроде батальонного командира и командира полка, обращалось с нами до крайности грубо». По мнению мемуариста, тем самым «оно хотело засвидетельствовать свои “верноподданнические чувства”, унижая “крамольников” и издеваясь над ними». Но уже капитан, командовавший ротой, относился к Соболеву «одинаково хорошо, деликатно, мягко и вежливо» и даже «просил заходить к нему, когда будет скучно». Вопреки инструкциям, он привлёк его к канцелярской работе и предложил «обучать грамоте безграмотных солдат», что «было, конечно, совершенно противозаконно». Да и «младшие офицеры роты оказались похожими на ротного командира. Это были ещё совсем юнцы, недавно слезшие со школьной скамьи и почему-то не утратившие ещё человеческого образа и подобия»⁴⁹. Более того, начальник дивизии во время инспекционного смотра приказал полковнику разместить Соболева отдельно от других солдат и заявил: «Господа офицеры! Помните, что это перед вами не солдат, а студент; его прислали сюда не для того, чтобы вы учили его муштровке: он просто отбывает административное наказание. Помните, господа офицеры, что он кончит службу и снова вернётся в университет». После таких слов Соболева звали уже «на чашку чаю», и ему «пришлось в конце концов идти и провести полчаса в офицерском обществе»⁵⁰.

Как бы то ни было, бывшие студенты остро ощущали свою чужеродность в строю. Так, во Пскове, как вспоминал Соболев, «с солдатами-сослуживцами мне мало удалось сойтись. Служба в -ском полку была слишком непродолжительна — всего месяц. Когда нас сдавали в солдаты, то предвидели возможность пропаганды в войсках, а потому предполагали переводить из одного полка в другой, чтобы не дать нам возможность близко познакомиться и сойтись с нижними чинами». Эти опасения были отнюдь не безосновательны. Тот же Соболев, для которого «солдаты — это тёмное, забитое стадо, несущее свой крест с удивительным смирением и покорностью», пытался в Пскове вести с ними беседы о том, «стали бы вы стрелять в народ, если бы вас заставили» и т.д. При этом он внушал им, «что народ борется за лучшую долю и счастье». Впрочем, особого успеха его пропаганда не имела: «Мне отвечали: “Начальство заставило бы, так и стрелять бы стали. Что же сделаешь”. И они, действительно, стреляли в том же году по обуховским рабочим. Мы в это время были уже в других полках»⁵¹.

⁴⁷ Там же. С. 177.

⁴⁸ Там же. С. 172—173.

⁴⁹ Там же. С. 179—180.

⁵⁰ Там же. С. 182.

⁵¹ Там же. С. 175—176.

Отдача студентов в солдаты вызвала общественное сочувствие к ним. Лишь правая пресса (прежде всего «Гражданин» и «Московские ведомости») безоговорочно поддержала действия Боголепова⁵². Одобряла его политику и консервативно настроенная часть профессорско-преподавательского корпуса. Так, приват-доцент римского права Петербургского университета Б.В. Никольский 31 января 1901 г. с удовлетворением писал в дневнике о работе Особого совещания: «Оказывается, теперь действительно заседает солдатская комиссия. Прекрасно. Если бы даром сошло, то это было бы возмутительно. Судя по всему, мы являемся зрителями последних беспорядков. Пора, пора». По его мнению, «это должно быть только началом серьёзных преобразований»⁵³.

Однако подобные голоса тонули в буре протеста против карательной акции министра народного просвещения. Наглым преступлением «обожравшихся властью прохвостов» против свободы личности назвал случившееся М. Горький⁵⁴. А тем временем в январе—апреле 1901 г. страну вновь охватила всероссийская студенческая забастовка, начавшаяся по инициативе Киевского союзного совета. В ней приняли участие около 30 тыс. студентов из 35 учебных заведений. В Петербурге, Харькове и Москве она сопровождалась впечатляющими уличными демонстрациями учащейся молодёжи, к которой впервые присоединились рабочие. В столице у Казанского собора произошло столкновение демонстрантов с полицией и казаками. Были задержаны 760 человек, в том числе 339 студентов, 377 слушательниц высших женских курсов и 44 посторонних⁵⁵.

В марте 1901 г. 99 представителей либеральной общественности направили Николаю II петицию с просьбой отменить «Временные правила» 29 июля 1899 г. В ней говорилось, что «эти правила явились новой угрозой, которая сама по себе не смогла не действовать раздражающим образом на учащуюся молодёжь. Эта молодёжь всегда подчиняется убеждению и чрезвычайно доступна нравственному влиянию лиц, которых она привыкла уважать, но она менее всего расположена склонить голову перед материальной силой. Усиление угроз может вызвать в ней, прежде всего, желание усилить сопротивление»⁵⁶. Ректор Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств В.А. Беклемишев докладывал её вице-президенту гр. И.И. Толстому, что применение такого наказания, как отдача в солдаты, «не достигает цели искоренения беспорядков, происходящих среди студентов, приносит вред»⁵⁷.

Весьма неблагоприятным оказался и международный резонанс, о чём свидетельствовали данные, собранные Департаментом полиции и МВД по донесениям российских дипломатов и материалам зарубежной прессы из Рима, Вены, Праги, Лондона и Парижа⁵⁸. Преподававший в Сорбонне физиолог Л. Лапик, оповестив французское академическое сообщество о судьбе студентов, исклю-

⁵² Гражданин. 1901. № 3; Московские ведомости. 1901. № 53.

⁵³ Никольский Б.В. Дневник. 1896—1918 / Публ. Д.Н. Шилова и Ю.А. Кузьмина. Т. 1. СПб., 2015. С. 469.

⁵⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Т. 28. М., 1954. С. 152.

⁵⁵ Правительственное сообщение // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. № 64. Мещанинов, ссылаясь на данные, опубликованные 16 марта 1901 г. в «Правительственном вестнике» (№ 51), писал про арестованных 1 004 человека, включая 410 студентов и 525 курсисток (Мещанинов И.В. Указ. соч. С. 10—11).

⁵⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 227, д. 1899, л. 18 об.

⁵⁷ РГИА, ф. 789, оп. 12, д. 3-з, л. 30; Сушко В.Т. Студенческое движение в Петербурге на рубеже XIX—XX веков (1899—1904). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. С. 91.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 226, д. 3, ч. 125, т. 14—15; оп. 227, д. 1809, л. 18 об.

чённых из Киевского и Петербургского университетов, обратился к коллегам с предложением «изложить в нескольких строках» своё отношение к действиям царских властей. На призыв откликнулись 70 возмущённых профессоров и педагогов из Парижа, Тулузы, Бордо, Ренна, Монпелье, Пуатье, Лилля, Латузы. Среди них были социалисты и консерваторы, атеисты и ревностные христиане. «Киевские сообщения ужасны, — заявлял академик Э. Лавис, полагавший, что “наши двери не должны открываться для жандармов”. — У меня сжимается сердце при мысли об этих молодых людях, жизнь которых разбита, об их семьях, об их учителях... оскорблённых в своём профессиональном достоинстве и чувствах, питаемых ими к их духовным детям — студентам»⁵⁹.

В правительственных сферах «Временные правила» 29 июля 1899 г. также всё чаще вызывали критику. Вскоре после покушения Карповича на Боголепова Комитет министров, обсуждая способы умиротворения студенчества, единодушно констатировал, что «Временные правила» 29 июля 1899 г. лишь возбуждают протестное движение учащейся молодёжи, и их необходимо срочно отменить. Витте поддержал это заключение⁶⁰. Бывший военный министр генерал Ванновский, 24 февраля 1901 г. возглавивший учебное ведомство, по свидетельству его товарища И.В. Мещанинова, «немедленно испросил» у Николая II «разрешения на освобождение всех подпавших под действие этих правил» и приступил к поэтапному сужению их применения⁶¹.

Похоже, что император и сам начал искать «способ наиболее достойной для себя ликвидации неудачной затеи»⁶². В марте он поручил помощнику главного начальника военно-учебных заведений генерал-лейтенанту К.В. Рудановскому и полковнику Г.А. Бобринскому «ознакомиться с ходом дела передачи в распоряжение военного начальства назначенных в войска студентов»⁶³. В представленном отчёте они утверждали, что, согласно приказу Куропаткина, на местах прилагалось «полное старание» к смягчению казарменной жизни студентов-солдат. Несмотря на «тщательный надзор», им якобы по возможности выделялись отдельные комнаты, разрешалось посещать городские библиотеки, получать письма и книги от родных (после просмотра их ротным командиром), совершать под присмотром «учителей из нижних чинов» прогулки за пределами воинской части⁶⁴. Вместе с тем отмечалось, что «строптивая молодёжь... отличается безукоризненной исполнительностью, безропотно переносит свою участь». Более того, проверка будто бы установила, что «большинство молодых людей осознают пагубность своих прошлых ошибок», а некоторые из них желали бы и впредь остаться в строю⁶⁵. Но вряд ли столь идиллическая и даже фантастическая картинка ввела Николая II в заблуждение.

5 июня 1901 г. последовал указ об увольнении от солдатской службы студентов, пользовавшихся до призыва в армию льготами по семейному положению и по состоянию здоровья, «делающими их неспособными к службе в строю».

⁵⁹ Позор русскому правительству. СПб., 1901.

⁶⁰ Записки Е.Б. С. 341.

⁶¹ Мещанинов И.В. Указ. соч. С. 11. Ванновский и ранее настаивал на том, что недопустимо смешивать исполнение воинской повинности «как священной обязанности каждого русского подданного» с исправительными наказаниями.

⁶² Заславский Д.О. Указ. соч. С. 81.

⁶³ РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 65, л. 177 об.

⁶⁴ Там же, л. 178—178 об.

⁶⁵ Там же.

Остальным тогда же несколько сократили срок службы⁶⁶. Но уже в августе по случаю рождения в царской семье четвёртой дочери все они были полностью амнистированы: даже исключённые из университета без права на повторное зачисление были восстановлены в своём студенческом статусе с возвращением всех утраченных льгот, «коими они пользовались прежде». При этом каждому из них предварительно предлагалось продолжить службу в качестве «вольноопределяющихся». Но всем хотелось поскорее вернуться к учёбе⁶⁷. Правда, для достижения этой заветной цели требовалось дать «честное слово» впредь не нарушать академического порядка. И, как отмечал Мещанинов, «можно указать целый ряд случаев, когда ходатайствующие о принятии вновь в число студентов отказывались дать это слово и, конечно, оставались без удовлетворения их ходатайств». Впрочем, и дававшие слово не всегда выполняли свои обещания⁶⁸. Возвращение к учёбе студентов-солдат протекало под пристальным наблюдением Департамента полиции, где строже всего следили за киевлянами, которых рекомендовалось особенно тщательно отсеивать «во избежание возбуждающего с их стороны влияния на местную молодёжь»⁶⁹.

Даже Победоносцев признал отдачу студентов в солдаты политической ошибкой. «Не всякая мера удобна во всякое время, — назидательно писал он Николаю II 8 апреля 1902 г. — Что можно было сделать в прежние эпохи, то не годится в другую пору — и в применении к движениям толпы (в коих и виновного не всегда возможно распознать) мера эта совсем не годилась, а применение в Киеве к целой массе было великою ошибкой и проведено было без должной твёрдости, с неуверенностью, без должного единства в мнении и действиях разных органов администрации. Вместо затишья последовало усиление волнений, принявших характер эпидемической истерии. Несчастный Боголепов пал жертвою»⁷⁰.

Больше самодержавная власть не отваживалась «перевоспитывать» студентов в солдатской казарме, хотя «Временные правила» 29 июля 1899 г. формально так и не были отменены. Испытание солдатчиной только укрепило в интеллигентной молодёжи протестные чувства. А громкая неудача с отдачей студентов в солдаты явилась одним из самых провальных актов внутренней политики самодержавной власти конца XIX — начала XX в.

⁶⁶ Правительственный вестник. 1901. № 120.

⁶⁷ Л.С. Указ. соч. С. 184.

⁶⁸ Мещанинов И.В. Указ. соч. С. 37.

⁶⁹ РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 290, л. 12—51.

⁷⁰ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 2. М., 1926. С. 336—337.